

сказочные
рассказы

Рауза
Хузахметова

215

Жили-были в доме вещи

В каждом доме – большом или маленьком – есть вещи: стол, диван, шкаф с одеждой, буфет с посудой, светильники, книги... Но они не просто лежат, стоят или висят – они живут: думают, мечтают, вспоминают, разговаривают друг с другом, смеются, спорят... О чём же они говорят?

В шкатулке

Крышка шкатулки открылась, и в сонный полумрак ворвался солнечный свет.

– Где она? – прозвучал женский голос. – Я же её вчера сюда бросила!

Изящные пальчики перевернули содержимое шкатулки и исчезли.

– Ну вот, – проворчала Английская Булавка, – из-за вороха старого барахла меня и не нашли.

– Эй-эй, поосторожнее! – надменно произнесли Серебряные Серьги. – Вы как-никак в шкатулке с драгоценностями находитесь!

– Подумаешь, драгоценности!.. – хмыкнула Английская Булавка. – Вас уже и в утиль-то не примут!.. Из ценного здесь только вон то – золотое, да и то... какое-то тусклое, – кивнула на лежащее в уголке Обручальное Кольцо.

– Тс-с!.. – прошептали Жемчужные Бусы. – Не тревожьте, оно и так грустит...

Их ведь в паре принесли – мужское и женское. Они и лежали-то в шкатулке рядом. Да недолго – расстались... Вот оно и потускнело.

– Ха!.. Было бы из-за чего тускнеть! – повернулся молодцеватый Перстень. – Я вот сам по себе – один, и ничего – бодр и весел!

– Хм!.. – усмехнулась Английская Булавка. – А вставочка-то у вас – фальшивая!

– Ну и что?! – не смутился Перстень. – Какая разница? Камешек и камешек!.. Главное – оправа!..

– Это верно – камешек и камешек... – прошамкала старая Брошь. – Лишь бы все на месте были... Вот у меня несколько штук выпало. Жаль, а то я бы ещё покрасовалась...

– А признайтесь, голубушка, – заговорщически подмигнул Перстень, – вы на своём веку многое повидали?

– Да-а!.. – радостно колыхнулась Брошь. – Я у старой хозяйки в почёте была!.. А какие раньше платья носили – из панбархата, одно другого лучше!.. А какие шали на плечах!.. М-м-м...

**Я о прошлом теперь не мечта-а-ю,
И мне прошлого больше не жа-а-аль...**

– Да-да, – переглянулись Бусы. – Если бы застёжка не сломалась, мы бы тоже красовались, да ещё и на самом видном месте.

– Ну, самое видное место у нас! – самоуверенно произнесли Серьги.

– Да будет вам спорить, – неторопливо произнесла Янтарная Заколка для волос. – Выше всех всегда я стояла.

– Ну, теперь-то, как и все – в шкатулке без дела лежите, – не удержалась, чтобы не подколоть, Английская Булавка.

– Увы... – вздохнула Янтарная Заколка. – Старая хозяйка причёски уже не делает, а молодёжь теперь коротко стрижётся...

– Вот и получается, что самая нужная вещь – я! – заявила Английская Булавка. – Меня то и дело берут! Даром что не драгоценная, а вот – рядом с вами в шкатулочке лежу!

Все замолчали.

– Да где же она? – раздался недовольный возглас.

Лёгкие пальчики опустили в шкатулку и, немного поискав, достали Английскую Булавку. Потом шлёпнули по крышке шкатулки. Стало темно и тихо. Никто уже не разговаривал. Немного позавидовав, каждый успокоил себя мыслью, что Английская Булавка – всё же простая, и не чета им – драгоценным украшениям.

Метель за окном

– Метёт-то как!.. – глядя в окно, задумчиво произнесла стоявшая на письменном столе Настольная Лампа.

– Да-а... – кивнула старая Чернильница. – Заметает... и белый свет, и каждый след...

– Весь свет не заметёт... Да и не каждый след можно замести, стереть... – сказало треснувшее Пресс-Папье.

– Вот уж нет! – живо отозвался потемневший Ластик. – Я всё, что угодно, могу стереть!

– То-то от вас рожки да ножки остались! – хохотнул Карандаш.

– На себя бы взглянули! – не остался в долгу Ластик. – Не Карандаш, а огрызок какой-то!

– Зато меня называли «быстрым», – возразил Карандаш. – А какие люди со мной работали!.. А какие зарисовки мы делали!..

– Да-да!.. – подхватила Точилка. – Иной гость любил тонкую линию, так что и мне доставалось работы.

– Ну, и грубой работы хватало, – не уступал Ластик. – Иначе меня наполовину не стёрли бы.

Замолчали. Слышно было, как шуршит снег, ударяясь о стекло, да воеет ветер.

– Без черновой работы не бывает, – нарушила молчание Чернильница. – Бывало, как начнут писать, так столько клякс понаставят, столько бумаги изведут, пока до чистовика доберутся! Без этого – никак...

– Это верно, – отозвалась Перьевая Ручка. – А который писака перьев переломает – и не счесть! Но уж если попадётся каллиграф – так, поверьте – душа радуется! Такие завитки выведет, такой почерк выкажет – буква к буквке, одно слово – бисер.

– Главное, чтоб этот бисер не оказался кляузой, – хмыкнул Ластик.

– На моей памяти – не было, – покачала головой Перьевая Ручка, – а вот добрых слов много написано. А уж каких только историй – и не перечесть!.. Помните ли, уважаемая, – обратилась после паузы к Чернильнице, – ту давнюю историю с поэтом, что заезжал к хозяевам погостить?.. Вот уж чего не забыть, так не забыть!..

– Именно её я имел в виду, говоря, что не каждый след можно стереть, – кивнуло Пресс-Папье. – След в душе или в сердце ничем не сотрёшь – ни временем, ни расстоянием...

– Ой, да расскажите эту историю! – завертелся Ластик. – Ну, расскажите!

– Что ж, – согласилась Чернильница, – только я опять стану плакать.

Она взглянула в окно, наполовину занесённое снегом, и начала свой рассказ:

– Тому уж лет семь или восемь... А приехал как-то к нашему хозяину его племянник. Сам – молодой да бравый, одно слово – гусар! Что выправкой, что лицом, что умом – всем взял! Да и нраву был весёлого. Вокруг него только и было – шум да смех. А ехал-то молодой барин к себе в часть... Дядя в нём души не чаял и уговорил задержаться недели на две. Веселья-то было, народу!.. Каждый день – песни да танцы, хозяйка-то хорошо на рояле играет!.. И вот она – душенька моя – влюбилась в этого молодого барина. Да и как в него было не влюбиться – такого распрекрасного молодого человека! Признаться, я и сама... словом, потеряла голову наша хозяйка. Так и щебетала, так и пела с молодым баринком. Хозяин-то сам – человек хоть и положительный, а всё же в летах. Да-а... – Чернильница помолчала, припоминая. – Конечно, приметил

он, что жена увлеклась не на шутку, да что поделаешь... К чести племянника надобно сказать, что и сам он любил дядюшку и хоть веселился с гостями, да меру знал. Всё стихи писал – вот за этим столом и сочинял – хозяйке посвящал. Так ведь из любезности!.. А она, матушка моя, всё на свой амурный счёт принимала.

– Женское сердце стихами покорить нетрудно, – вздохнула Перьевая Ручка.

– Вот уж глупости! – фыркнула Точилка.

– Молодость, горячность... – промолвило Пресс-Папье.

– Ну, дальше, дальше! – замахал Ластик.

– В день перед отъездом был в доме большой праздник, – продолжила рассказчица. – Забежала хозяйка в эту комнату, села за стол да и написала молодому барину, что любит его безмерно, жить без него не может и что решила вместе с ним уехать. А мужу-де завтра всё и объявит. Да-а... – обвела взглядом притихших слушателей Чернильница. – Оставила письмо да к гостям убежала. Только хозяин, почуввав неладное, зашёл в эту гостевую следом да письмо-то и перечёл... В страшный гнев пришёл он тогда. Взял Пресс-Папье да со всего маху хватил им об стол...

– Да-да, – подтвердило Пресс-Папье, – только я на хозяина не в обиде... Он – человек достойный, уважаемый. А в такой позиции кого хочешь гнев обует.

– Не знаю, как мы-то целыми остались... – вздохнула Чернильница. – Вот хозяин думал-думал да и решил посмотреть – что будет. Письмо оставил, вернулся к гостям и виду не подал. А племянник-то, прочитав то письмо, схватился за волосы, да так и проходил всю ночь из угла в угол... Письмо сжёг – благородный человек. Ну, так вот... Утром пришёл к нему дядюшка, а он и глаз поднять не смеет. Да только дядюшка его выручил. Сказал, что жена, верно, с праздничными хлопотами переволновалась и к завтраку не выйдет, и придётся уехать гостю, с ней не простившись.

Обрадовался молодой барин, кинулся дядюшке на шею. Увидел хозяин наш, что у племянника злого умысла не было, обнял его, расцеловал и проводил в дорогу по-доброму.

– Хм, какой обманщик! – хмыкнул Карандаш. – Женщина ради него мужа решила бросить! Ох, уж эти гусары!

– Уж не знаю, что хозяин сказал жене, а только как уехал гость, так она, голубушка, и впрямь слегла, – покачала головой Чернильница, жалея хозяйку.

– И хозяин – обманщик! – снова встрял Карандаш.

– Обманщик – не обманщик, а семью сохранил, – произнесла Перьевая Ручка.

– Дальше-то что? – нетерпеливо спросил Ластик.

– А что дальше? – переспросила Чернильница. – Дальше ничего и не было. Молодой барин больше не приезжал. А вот хозяйка его ждала. Долго – и год, и два, и больше...

– Да-да, – покивало Пресс-Папье. – По всему было видно, что она тосковала... Зайдёт, бывало, в эту комнату, сядет за стол и до-олго смотрит в окно на дорогу.

– И плакала часто, – всхлинула Чернильница. – Так бедняжка и угасла. Живёт – и не видно её, и не слышно. И гостей с тех пор хозяин не звал. Тихо в доме. Вот уж сколько лет прошло, – вздохнула, вытирая глаза платочком, – а хозяева друг другу так и не открылись. Она не сказала, что полюбила молодого барина, а хозяин – что знает об этом...

– Как грустно... – произнесла Перьевая Ручка.

Все замолчали. В комнату прокрались лёгкие сумерки. Накружившись, метель поутихла и унеслась дальше, оставив за собой какой-то белёсый туман. В наступившей тишине каждый продолжал думать об услышанном. Пресс-Папье сочувствовало хозяину. Чернильница и Перьевая Ручка жалели хозяйку. Карандаш представлял себя молодым барином и мысленно сочинял ответное письмо влюблённой женщине. Точилка не нашла ничего интересного и,

прикрыв глаза, дремала. А Ластик, заложив руки за спину, ходил по столу взад и вперёд и сердито думал: «Ну и что это за история? Ничего не произошло! И о чём тут помнить?»

– Нет! – вскрикнул, не выдержав. – Какое-то неправильное окончание у этой истории!..

– А почему вы думаете, что она закончилась? – мягко улыбнулась Настольная Лампа. – Что произойдёт и когда – заранее никому не известно. Слышите? – В наступившей тишине послышался лёгкий звон бубенцов. – Кто-то едет.

– Кто-о?.. – спросили хором...

Возле дома

– Что же это почтальон так долго не приходит? – вздохнул висевший на заборе Почтовый Ящик. – Никаких тебе известий!

– Да-а... давненько не было, – отозвалась Калитка. – Раньше-то частенько заглядывал. Бывало, хозяин или хозяйка выйдут навстречу, да пока стоят – почтальон им все новости-то и перескажет.

– Да ведь теперь писем не пишут, газет не выписывают, вот он и не ходит, – подала голос стоявшая невдалеке Скамейка.

– Как это – не пишут? – засомневался Почтовый Ящик. – Что же, совсем перестали общаться друг с другом?

– Теперь все сэсэ... как это... сэсэмэски пишут.

– Как же пишут, когда никаких писем не приходит, говорю же! – не понял Почтовый Ящик.

– Пишут-то по телефону, – скамейка в ответ. – Теперь у каждого – телефон в кармане. В любое время – хоть пиши, хоть читай.

– Это что же, так все с проводами и ходят?

– Да не-ет!.. Телефоны теперь маленькие, чуть не со спичечный коробок и без проводов.

– Чудеса!.. – покачал головой Почтовый Ящик.

– А ведь совсем недавно на бумаге писали... Да-а... – проскрипела Калитка. – Поотстали мы от жизни... И откуда ты всё знаешь, кумушка?

– Как не знать? – живо ответила Скамейка. – Здесь ведь кто только не присядет – и старые, и малые, и молодёжь... Все новости знаю, даром что газет не читаю.

– Да принесли бы их – газеты, – вздохнул Почтовый Ящик. – Раньше перечитывал, так всё на свете знал. А теперь пробежит какой-нибудь парнишка, кинет цветную бумажку, а там только и пишут – где эти купить, как их... прости, господи – с крылышками...

– Это распространители подбрасывают рекламки, – объяснила Скамейка.

– А я поначалу думал, что это открытки – такие же яркие и приносят часто, как перед праздником.

– Да-да, раньше на праздники много открыток присылали, – покивала Калитка.

– Сейчас открытки большие делают – ни в один ящик не влезут! – сказала Скамейка. – И подписывать не нужно – всё уже напечатано, любое поздравление. А конверты наоборот – узенькие и без марок, совсем не для письма.

– А для чего же тогда?

– Деньги в них кладут и дарят.

– Надо же!.. – удивился Почтовый Ящик. – Раньше-то вот другие подарки были – посылки друг другу присылали. Хозяйева как получают, откроют, так в доме – праздник. То крупу гречневую им пришлют, пачку масла да конфеты какие или лекарства редкие... А то – ящик клюквы...

– А они что отсылали? – поинтересовалась Калитка.

– А они в посылочку носки вязаные положат, банку грибов солёных или варенья какого, а то отрез на платье – вот родственникам и подарок.

– Ну, теперь лекарства в каждой аптеке есть, и в магазинах – всё, даже ананасы круглый год! – возразила Скамейка.

– Ты смотри!.. – покачал головой Почтовый Ящик. – Ну, вот потому и не пи-

шут друг другу, что у каждого всё есть. Только ведь не в посылке радость, а в добром слове... – вздохнул. – Нет, девоньки, – прибавил, помолчав. – Может, оно и к лучшему, что и в аптеках – таблетки, и в магазинах – ананасы. Да только ничего не хочется так увидеть, как почтальона с сумкой через плечо, а в сумке той – письмо с доброй вестью. Да-а...

На празднике

Большой праздничный стол был полон. Со всех сторон слышался радостный гомон и звон посуды.

– Разрешите за вами поухаживать? – любезно склонился пузатый Графин.

– Ах! Мне чуть-чуть! – засияла изящная Рюмочка.

– За вашу несравненную красоту! – торжественно произнёс Фужер. – Вы так обворожительны сегодня!.. – зашептал на ушко.

– Ах! Ах!.. – отодвигалась Рюмочка.

– Ваше здоровье! – потянулся с другой стороны стола Бокал.

– Спасибо! Нет-нет, мне достаточно...

Гремела музыка, один за другим провозглашались тосты:

– За дорогую именинницу!.. Многая лета!.. Здоровье дам!..

– Ах! Ах!.. – успевала поворачиваться Рюмочка.

– Очи чёрные, очи страстные... – запел неверным голосом Бокал. – За ваши жгучие и прекрасные!

– Ах! – моргала от смущения Рюмочка.

– Первый танец – мой! – наступил на туфельку Фужер. – Обещайте же!

– Ну, хорошо, – сдалась Рюмочка. – Ах!.. – покачнулась, сделав шаг. – Что-то всё кружится... – упала и переломилась.

– Эх!.. – поморщился Фужер. – Теперь и потанцевать не с кем. Впрочем... – огляделся. – Ну-ка, – кивнул Графину. – Для храбрости!

– Пожалуйста, – наклонился Графин.

– У-ух!..

Пошатываясь, Фужер сделал пару шагов, зацепился острыми носками ботинок и упал в тарелку с салатом.

– Слабак!.. – усмехнулся Бокал. – Ну! – взглянул на Графин. – Кого ждём? – Сию минуту! – поскочил Графин. – У-ух!..

Бокал опрокинулся навзничь да так и остался лежать.

– Усну-ул!.. – резюмировал Графин. Потом подошёл к стоящему в стороне молчком Гранёному Стакану. – Ну что, опять мы с тобой одни остались?

– Угу, – коротко кивнул тот. – Полный!

У камина

Подевалась куда-то кочерга. Хозяин и в поленнице её поискал, и за камином, и в золе рукой пошарил – нигде нет. «Придётся новую купить!» – решил. Принёс и положил у камина...

– Ах!.. – сморщила губки новенькая Кочерга, тряхнув изящной ручкой. – Уже испачкалась!

– Рад приветствовать вас, сударыня! – почтительно склонил голову старый Камин.

– Здравствуйте, – неодобрительно взглянула Кочерга на потемневшую облицовку.

– И мы рады!.. Мы рады!.. Мы рады!.. – наперебой заговорили весёлые Дрова.

– Будем дружить, – приветливо заскрипело стоявшее рядом Кресло. – Вы, верно, новенькая?

– Да! – довольно завертелась Кочерга, поплёскивая боками. – Я здесь недавно. А раньше жила на складе. Там всё такое яркое, блестящее! – восторженно прошла перед новыми знакомыми. – И тазы, и ведра, и самовары!

– Ну, все мы когда-то блестели, – добродушно прогудел Камин. – Время берёт своё... Да и не в блеске счастье.

– Да-да! – отозвалось Кресло. – Мы ведь тоже были молодыми и бравыми... ершистыми, хе-хе!.. Помнится, с Каминном поначалу даже вздорили, а теперь – моё почтение! Уж сколько лет дружим!..

– Нет! Вы не понимаете! – воскликнула Кочерга. – Может, вы и были молодыми, а я хочу всегда оставаться молодой!.. Ну, посмотрите на себя, на что вы похожи?! У Камина весь свод закоптился, стенки потрескались, Кресло того и гляди развалится, да и обивка обносилась... Нет! Я хочу всегда блеснуть! Хочу яркой жизни!

– Ну, у кого жизнь яркая, так это у меня! – высунулась из коробочки Спичка.

– И у меня!.. И у меня!.. – вылезли вслед остальные. – Вот увидите, как мы горим!

– А мы?! – воскликнули Дрова. – Ещё как пылаем!

– Ах, друзья мои! – подошла к ним Кочерга. – Я вам так рада!

Спички и Дрова заспорили – кто ярче горит. Поднялся невероятный гвалт, и только Зола, снисходительно глядя на них, молчала.

– Да... Наверное, это почётно и увлекательно – ярко сгореть, – вздохнул Камин. – Но мы служим долго – держим тепло и уют в доме. В этом наше предназначение. И вряд ли его можно назвать неинтересным...

Разговор прервал вошедший хозяин. Он сложил в камине дрова. Чиркнув спичкой, развёл огонь, сел в кресло и долго сидел, задумавшись и глядя перед собой. Время от времени брал кочергу и поправлял угасающие угли. О чём он думал, глядя на вспыхивающие в глубине камина огоньки? Кто знает...

